

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

№ 45.

С. Ефремовъ.

Изъ общественной жизни на Украинѣ.

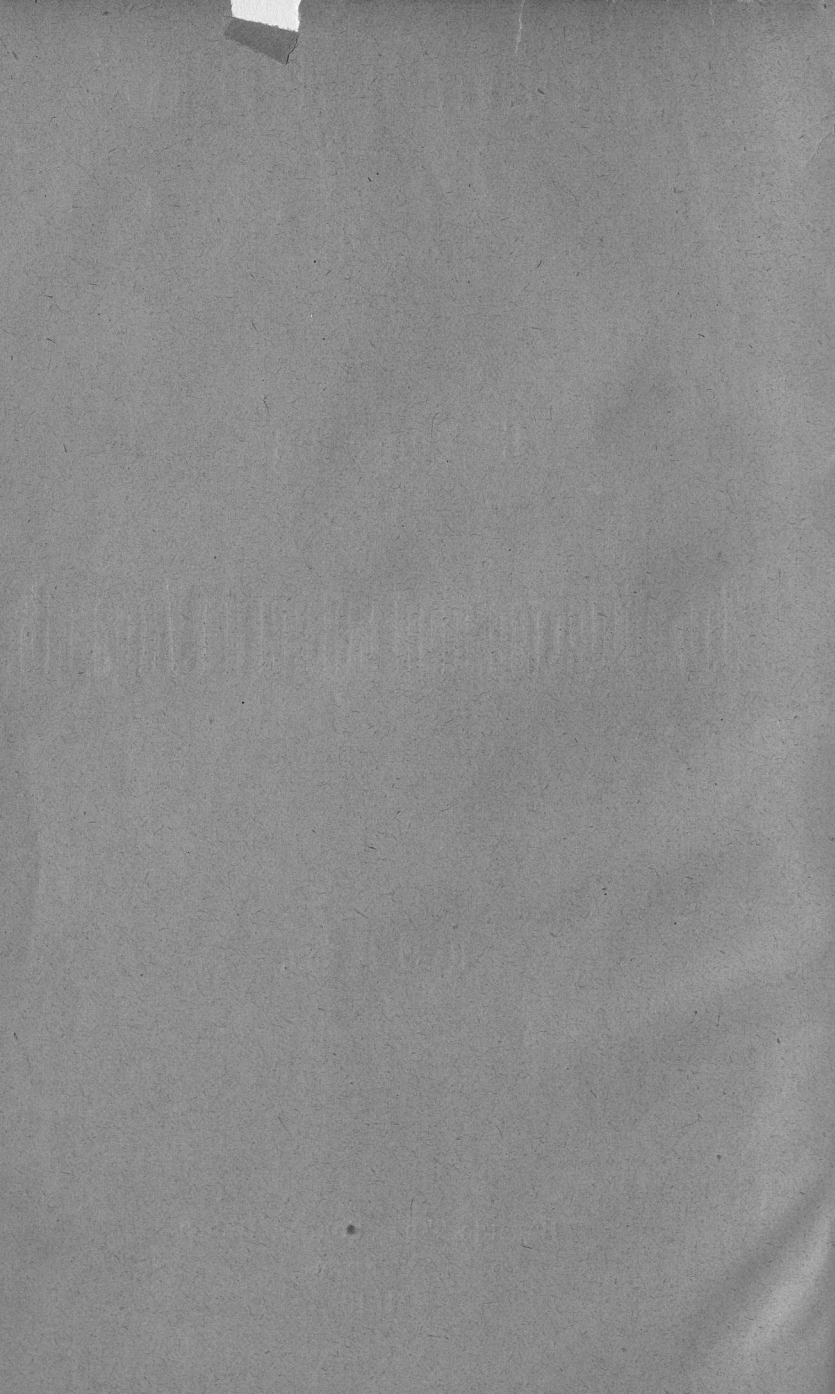
Цѣна 8 коп.

Издание Т-ва „Родная Рѣчь“

Москва

1916.

Б. н. 2276

С. Ефремовъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ НА УКРАИНѢ.

Есть замѣчательная украинская пѣсня, авторство которой учеными изслѣдователями связывается иногда съ именемъ того или другого изъ историческихъ дѣятелей Украины. Повѣствуетъ она о „чайкѣ-небогѣ“, свившей гнѣздо и выведшей дѣтей вблизи расхожей дороги, гдѣ всякій мимоидущій легко можетъ уничтожить всѣ ея труды, гдѣ поминутно грозитъ опасность не только цѣлости гнѣзда, но и жизни дѣтей.

Ой діти, діти! Де васъ подіти?

Чи мені втопитись, чи з горя убитись?—

въ отчаяніи восклицаетъ несчастная мать при видѣ опасностей со всѣхъ сторонъ угрожающихъ ея пристанищу и семьѣ.

Уже старые украинскіе историки видѣли въ этой пѣснѣ аллегорію, изображающую, „страждущую и колеблемую Малороссію“. И дѣйствительно, имѣлъ ли или не имѣлъ въ виду безымянный авторъ пѣсни указанную аллегорію, но такое толкованіе было очень соблазнительно. Въ самомъ дѣлѣ—историческая судьба Украины и ея народа въ сильнѣйшей степени напоминаетъ эту тяжелую, необезпеченную жизнь существа при большой дорогѣ, вѣчно подвергающагося опасностямъ въ силу самага своего положенія. Всевозможные Черные Клобуки,

Торки, Берендѣи, печенѣги, половцы, татары, венгры, поляки — одни за другими „всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали тутъ“, на этой открытой со всѣхъ сторонъ, не защищенной площади втеченіе долгаго шествія украинскаго народа по историческому пути выработки формъ государственной жизни. Внѣшнимъ образомъ закончился этотъ путь, какъ мы знаемъ, добровольнымъ присоединеніемъ Украины въ 1654 году къ Московскому царству, и съ этого времени Украина живетъ общей государственной жизнью съ остальными частями Россійской имперіи, сохраняя при этомъ свои національныя особенности въ видѣ языка, нравовъ, обычаевъ, культуры и т. п. Сначала безсознательно и пассивно, а затѣмъ — въ особенности въ послѣднее время—все болѣе и болѣе сознательно и активно стремится она отстоять противъ всероссійскихъ централизаторовъ эти національныя формы собственной жизни и развить ихъ до того уровня, на которомъ онѣ могли бы въ полной мѣрѣ удовлетворить всѣ культурныя запросы и потребности украинскаго народа. Въ этомъ, собственно говоря, и заключается все значеніе такъ называемаго украинскаго движенія, ставящаго своей задачей—превратить народъ въ націю въ полномъ значеніи этого слова, крѣпкую своимъ самосознаніемъ и двигающуюся своимъ собственнымъ путемъ, но къ той же цѣли, какая стоитъ и предъ другими народами нашего общаго отечества, — къ свободѣ, счастью и прогрессу. Прослѣдить путь развитія этого самосознанія отъ его исходной точки и до послѣдняго времени, и составляетъ задачу настоящаго очерка. Трогательный образъ „чайки-небоги“ съ ея материнской тревогой и опасеніями за участь дѣтей представляетъ очень удачно схваченное и выраженное подобіе Украины въ ея прошломъ и даже настоящемъ, и при дальнѣйшемъ изложеніи, по всей вѣроятности, не разъ будетъ проноситься онъ предъ читателемъ. По крайней мѣрѣ,

предъ авторомъ въ процессъ работы неотступно стоялъ этотъ образъ съ его горестной жалобой на трудныя обстоятельства дѣйствительно отчаяннаго положенія, доходившаго иногда до полной, казалось, безвыходности. Къ счастью, выходъ возможенъ...

I

Судьба Украины, со времени присоединенія послѣдней къ Московскому царству, представляется типической почти для всѣхъ присоединенныхъ къ Москвѣ областей съ оригинальной фizioноміей. Украинскій народъ, стоявшій въ то время на порогѣ свободной жизни и фактически пользовавшійся весьма демократическими учрежденіями, прошелъ долгій путь очень сложной эволюціи и шагъ за шагомъ подходилъ къ тому положенію, на которомъ вмѣстѣ со всѣми народами россійскаго государства былъ застигнутъ извѣстными событіями послѣдняго времени. Упомянутая эволюція сказывалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что первоначальный кругъ автономныхъ правъ становился все уже, слабая вначалѣ связь съ центромъ крѣпла, русское правительство все болѣе и болѣе сокращало объемъ мѣстныхъ особенностей въ управленіи и все ближе къ центру переносило пульсъ народной жизни, пока, наконецъ, не приводило данныя земли въ положеніе „коренныхъ“ или „исконныхъ“ русскихъ областей. Аракчеевскій идеалъ казенной одноформенности и однообразія въ расчетахъ и соображеніяхъ официальныхъ русскихъ политиковъ всегда стоялъ рядомъ съ другимъ идеаломъ, мѣтко выраженнымъ въ словахъ Шевченко: „од Молдована аж до Фи́на на всіхъ языкахъ все мовчить“. Абсолютизмъ и централизмъ — родные братья, общими силами и въ добромъ согласіи воздвигнувшіе ту образцовую „тюрьму народовъ“, которая извѣстна подъ именемъ Россійской имперіи.

Это одна сторона развитія—центростремительная. Но рядомъ съ ней въ исторіи каждаго народа подъ владычествомъ русскаго правительства дѣйствуетъ и другая сила—центробѣжная, выражающаяся въ стремленіи обойденныхъ, угнетенныхъ и лишенныхъ свободы народностей сохранить свою автономію, удержать свои національныя права и особенности и добиться человѣческихъ условій существованія. Въ тюрьму никто, разумѣется, не идетъ добровольно; напротивъ, всякому свойственно стремиться къ тому, чтобы чаша сія его миновала. Освободительное движеніе болѣе или менѣе замѣтной струйкой проявляется въ исторіи каждой народности, имѣвшей несчастье потерять свою независимость,—разумѣется, при томъ непремѣнномъ условіи, что данная народность стоитъ при этомъ на извѣстномъ уровнѣ общественнаго и политическаго развитія. Красною нитью проходитъ это движеніе и чрезъ всю исторію украинскаго народа.

Въ XVII ст. Украина оторвалась отъ Польши, но собственными силами она не въ состояніи была обезпечить себѣ независимое существованіе и мирное развитіе захваченныхъ въ борьбѣ сравнительно свободныхъ учрежденій. Польша не имѣла вовсе намѣренія отказаться отъ своихъ „правъ“ на такой лакомый кусокъ, какой представляла изъ себя Украина — эта, по выраженію одного изъ украинскихъ лѣтописцевъ, „земля, текущая млеко и медомъ“. Враги стояли другъ противъ друга, обезсиленные борьбой, утомленные, доведенные до полнаго почти изнеможенія, но въ то же время ожидая лишь удобнаго случая, чтобы опять возобновить ожесточенную борьбу и предъявить старые счета. При такомъ положеніи вещей всегда найдется посторонняя сила, которая въ своихъ собственныхъ цѣляхъ используетъ неопредѣленные отношенія и присвоить плоды предшествовавшей борьбы, вынимая чужими руками каштаны изъ пылающаго огня. Этой силой

оказалось въ данномъ случаѣ Московское царство, соединеніе съ которымъ вдругъ улыбнулось предводителю возстанія Богдану Хмельницкому.

Соединеніе Украины съ Москвой состоялось въ 1654 году на условіяхъ, обезпечивавшихъ первой очень широкую автономію, почти независимость. Скоро однако и Хмельницкій, и козацкая старшина, и все населеніе Украины должны были убѣдиться въ томъ, что новый союзникъ понимаетъ возникшія изъ переяславскаго договора отношенія не какъ добровольный союзъ, а какъ отказъ украинскаго народа отъ своей независимости. Въ силу рѣзкаго несоотвѣтствія между ожиданіями украинскихъ автономистовъ и обнаружившейся централизаторской политикой Москвы, распря между союзными сторонами начала назрѣвать уже въ моментъ заключенія договора, сопровождавшагося обоюдными неудовольствіями и пререканіями.

Уже Хмельницкій началъ приготовленія къ тому, чтобы разорвать связь, принимавшую, очевидно, неблагоприятный для украинской автономіи оборотъ, но еще рѣзче обозначилась борьба Украины за свою независимость по смерти популярнаго гетмана. Съ одной стороны, Москва все сильнѣе настаиваетъ на уничтоженіи украинскихъ вольностей и обнаруживаетъ стремленіе захватить въ безконтрольное управленіе страну; съ другой — ярче и опредѣленнѣе выступаетъ идея автономности и недѣлимости Украины.

Къ сожалѣнію, въ это время на Украинѣ не нашлось такихъ людей, которые бы сознательно приняли къ сердцу интересы широкихъ массъ украинскаго народа и сумѣли объединить всю страну и воодушевить ее общимъ духомъ борьбы противъ грозящей опасности подчиненія. Роковая ошибка всѣхъ украинскихъ автономистовъ того времени состояла въ томъ, что они искали точки опоры не на Украинѣ, а за ея предѣлами, у сосѣднихъ государствъ, входя во всевозможныя

политическія связи то съ Польшей, то съ Турціей и Крымомъ, то съ Швеціей или Трансильваніей. Возлагая свои надежды, главнымъ образомъ, на помощь сосѣднихъ государствъ, украинскіе политики совершенно пренебрегли естественной почвой—собственнымъ народомъ и не только не препятствовали разслоенію его на враждебныя группы, но даже—сознательно или безсознательно—содѣйствовали этому разрушительному процессу, защищая интересы старшины и козачества и въ угоду послѣднимъ угнетая собственно народъ „поспільство“. Поднявъ знамя возстанія противъ шляхетской Польши, козацкая старшина не въ состояніи была, тѣмъ не менѣе, представить себѣ возможность иныхъ порядковъ, кромѣ господствовавшихъ въ той же Польшѣ, съ той лишь разницей, что привилегированное мѣсто польской шляхты должна была занять шляхта мѣстнаго происхожденія, главнымъ образомъ, та же старшина. Собственно говоря, въ строѣ нарождающагося государства все должно было остаться по-старому, и народъ цѣною страшныхъ жертвъ и усилій не пріобрѣталъ ничего, кромѣ новыхъ цѣпей и притѣснителей.

Нечего и говорить, что въ силу этого автономистскія стремленія козацкой старшины, оставались чужими и непонятными для трудящихся массъ, и послѣднія вполне равнодушно относились къ борьбѣ съ политикой московскаго правительства въ отношеніи Украины. Этой рознью и глубокой разобщенностью очень умѣло воспользовалась Москва. Постепенно, играя роль защитника черни отъ притѣсненій старшины и способствуя въ то же время обостренію раздоровъ на Украинѣ, она, подъ шумокъ, мало-по-малу обрѣзаетъ одну за другой ненавистныя ей вѣтви автономно-демократическихъ учрежденій украинскаго государства, пока отъ нихъ осталось одно лишь смутное воспоминаніе. Последняя активная попытка Мазепы отстоять ихъ не удалась, и подъ Полтавой нанесенъ былъ рѣшительный

ударъ надеждамъ и ожиданіямъ украинскихъ автономистовъ. Послѣ этого московское правительство распоряжается на Украинѣ уже вполне самовластно и, неуклонно слѣдуя своей политикѣ, обращаетъ Украину въ обыкновенную провинцію новоиспеченной имперіи, распространяя на нее московскіе порядки.

Одновременно съ политическими реформами русское правительство не оставляетъ безъ своего вниманія и социальныхъ отношеній на Украинѣ. Любившая щегольнуть при случаѣ громкой фразой на счетъ освобожденія народа „отъ мучившихъ его многихъ маленькихъ тирановъ“, Екатерина II была на самомъ дѣлѣ ревностной насадительницей крѣпостного права на Украинѣ, раздавая крестьянъ сотнями тысячъ направо и налево своимъ многочисленнымъ фаворитамъ. Собственно говоря, „маленькіе тираны“ только въ томъ случаѣ лишались благосклонности императрицы, когда осмѣливались напоминать о старинныхъ своихъ правахъ и вольностяхъ; фонды ихъ сейчасъ же поднимались въ ея глазахъ, какъ только они выступали исключительно въ роли помѣщиковъ-душевладѣльцевъ, изъ головъ которыхъ безъ остатка испарялись автономистскія идеи. Цѣною этой послѣдней уступки Екатерина была готова не только вполне примириться съ „тиранствомъ“, но даже способствовать его расцвѣту и развитію, тщательно устраняя всѣ встрѣчавшіяся на его пути препятствія.

Придерживаясь весьма недвусмысленнымъ образомъ политики покровительства интересамъ командующихъ классовъ, правительство обращало особенное вниманіе на то, чтобы оторвать ихъ отъ родной почвы и вырыть непроходимую бездну въ національномъ отношеніи между ними и трудящимися массами. Этой цѣли служили тѣ гоненія на культурныя особенности украинцевъ, какія возникли почти вслѣдъ за воссоединеніемъ Украины съ Московскимъ царствомъ. Правительство уже въ началѣ XVIII вѣка смотритъ, напримѣръ, весьма

неодобрительно на особенности въ языкѣ, и цензура, это худшее изъ заимствованій съ Запада, ставитъ совершенно ясныя требованія — исправлять въ украинскихъ изданіяхъ языкъ по московскимъ образцамъ или и совсѣмъ переводить книги „на великороссійское нарѣчіе“, „дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ нихъ не было“. Извѣстны относящіеся къ этому времени случаи прямыхъ запрещеній при неисполненіи указанныхъ требованій на счетъ „особаго нарѣчія“, причемъ гоненію подвергаются также книги, изданныя за-границей, такъ называемой „львовской печати“. Въ концѣ XVIII столѣтія русскій языкъ, не смотря на протесты, вводится въ Кіевской академіи и другихъ школахъ на Украинѣ; одновременно ведется кампанія противъ особенностей украинскаго произношенія, приказывается въ церквахъ при богослуженіи читать „голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію“, то есть придерживаясь великорусскаго произношенія. Благодаря этимъ и подобнымъ мѣропріятіямъ, школы и типографіи, которыхъ до того времени на Украинѣ было очень много, приходятъ въ упадокъ, исчезаютъ, и страна, служившая некогда путемъ западно-европейскаго просвѣщенія и для Москвы, обращается въ культурномъ отношеніи мало-по-малу въ пустыню, замираетъ и становится образомъ отсталости и безграмотности народныхъ массъ.

Выше уже была указана главнѣйшая ошибка украинскихъ автономистовъ: возлагать свои надежды исключительно на международныя политическія комбинаціи, оставляя безъ вниманія собственныя силы, заключающіяся въ поддержкѣ украинскаго народа. Эта ошибка имѣла послѣдствіемъ прежде всего то, что широкія массы народа оставались вполнѣ равнодушными и холодными къ идеѣ автономіи и отказывали въ своей поддержкѣ требованіямъ неосмотрительныхъ автономистовъ. Въ самомъ дѣлѣ — что могла значить для народа потеря автономіи предъ надвигавшейся грозой

крѣпостного права? Какую, съ другой стороны, цѣну или привлекательность могла имѣть для трудящихся массъ національная независимость при полной невозможности пользоваться ея плодами и даже вести просто человѣческое существованіе? И это тѣмъ болѣе, что поборники автономіи, вышедшіе главнымъ образомъ изъ привилегированныхъ классовъ, и не думали скрывать своихъ узко-классовыхъ видовъ, противорѣчившихъ народнымъ интересамъ, попутно предъявляя своекорыстныя претензіи на свободу и имущество трудящихся массъ. И нужно отдать полную справедливость русскому правительству, — неосмотрительностью украинскихъ автономистовъ оно сумѣло очень искусно и ловко воспользоваться. Фактически поддерживая сословныя и классовыя домогательства высшихъ классовъ, очень щедро надѣляя ихъ крѣпостными душами и помѣстьями, правительство сохраняло при этомъ до такой степени невинный видъ, что могло казаться даже защитникомъ народа противъ привилегированныхъ классовъ, — особенно, когда послѣдніе предъявляли какія-либо политическія притязанія. На народъ оно натравило „пановъ“, а этихъ послѣднихъ пугало и сдерживало призракомъ народнаго возстанія. Рознь между командующими классами и трудящимися массами возрастала и, по мѣрѣ ея возрастанія, ослабѣвала сила національнаго сопротивленія и таяли ряды приверженцевъ „старожитныхъ правъ и вольностей“ и среди старшины. Большинство ея, пополнившее свои ряды всевозможными проходимцами изъ великороссовъ, молдаванъ, сербовъ и иного пришлаго люда, — наперерывъ бросилось пріобрѣтать всѣми правдами и неправдами „ланки“ и „нивки“, покупать и выпрашивать крѣпостныя души и „зadля лакомства несчастнаго“, по картинному выраженію украинской думы, пожертвовало не только народными интересами, но и собственными политическими правами. Сбылись ожиданія ангальтъ-цербстской нѣмки, выработавшей

истинно - русскую программу дѣйствій, — „желанія къ чинамъ, а особенно къ жалованію“ дѣйствительно вытѣснили „умоначертаніе прежнихъ временъ“. Разрозненная Украина сдѣлала было еще одну попытку освободиться изъ неволи во время такъ называемой гайдамачины, однако это героическое, но мало сознательное и лишенное выдающихся и опытныхъ руководителей движеніе было залито кровью возставшихъ, и пожаръ, не разгорѣвшись, угасъ... Въ сумеркахъ этого тусклаго времени затемнилась и пришла въ упадокъ и національно-автономистская идея.

Затемнилась, но не вполнѣ; пришла въ упадокъ, но не изсякла. Она возродилась снова, приобщилась къ теченіямъ общечеловѣческой мысли, положила въ основу своего бытія интересы родного народа, то-есть украинскихъ трудящихся массъ,—и въ такомъ видѣ старая идея автономности приобрѣла совершенно новыя черты. Новѣйшіе украинскіе автономисты выбросили за бортъ надежды на помощь добрыхъ сосѣдей, и возложили ихъ на сильныя плечи самого народа. Сообразно съ этимъ цѣлью ихъ дѣятельности и ея нервомъ сдѣлалось благосостояніе, матеріальное и духовное, народныхъ массъ, а не интересы командующихъ классовъ. На стражъ народныхъ интересовъ стало слово—новорожденная украинская литература, пронесшая великую идею національнаго возрожденія чрезъ страшныя испытанія и передающая ее теперь въ новыя и, можно думать, надежныя руки.

II.

Первые дѣятели новой украинской литературы—Котляревскій, Артёмовскій Гулакъ, Гребенка и другіе—сразу же сообщили ей сильную демократическую и гуманитарную струю, хотя политическихъ отношеній и, въ частности, вопроса объ автономіи они вовсе не

касались. У нихъ была иная, историческаго значенія миссія — открыть глаза украинскому обществу на окружающій его народъ, поставить во всей его наготѣ и остротѣ вопросъ объ элементарныхъ правахъ чело-вѣческой личности, найти эту личность въ забитой крѣпостной массѣ и приобщить посредствомъ родной литературы украинскій народъ, бывшій до того времени сырой массой, къ семьѣ культурныхъ націй. И эту задачу молодая украинская литература выполнила въ полномъ объемѣ, даже не ставя пока вопроса о политическомъ положеніи Украины. Крайне характерно, впрочемъ, то обстоятельство, что одновременно съ первыми побѣгами демократической литературы на Украинѣ появилось и первое же произведеніе политической мысли, втеченіе долгаго времени впослѣдствіи оказывавшее громадное вліяніе на формированіе автономистскаго теченія среди украинской интеллигенціи. Это была знаменитая „Исторія Руссовъ или Малой Россіи“, честь авторства которой ошибочно приписывалась нѣкоторое время извѣстному Георгію Конисскому. „Исторія Руссовъ“ обращалась на Украинѣ въ многочисленныхъ спискахъ, ея зачитывались, на ней воспиталось не одно поколѣніе старѣйшихъ украинолюбцевъ; вліяніе ея сильно сказалось, между прочимъ, на Шевченкѣ. Любовь къ родному краю, автономистское направленіе, демократизмъ вплоть до республиканства — такими чертами отличается это произведеніе. Оно будило среди украинскаго общества мысли о свободной родинѣ, оно впервые высказало идею автономіи Украины, и чрезъ голову изнѣженнаго, вырождавшагося панства перенесло ее къ дѣятелямъ послѣдующаго времени, когда явилась, наконецъ, возможность привить ее къ свѣжему стеблю.

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе относительно того, что „Исторія Руссовъ“ являлась выраженіемъ и отраженіемъ мыслей не одного лишь ея автора, а довольно обширнаго круга людей на Украинѣ. Съ другой стороны

фактически установлено, что она сама служила распространію демократическихъ и автономистскихъ идей среди украинскаго общества. Вліяніе ея скоро сказалось, какъ только на Украинѣ стали появляться зародыши организацій, имѣвшихъ въ виду общественные интересы. Наиболѣе популярной формой такихъ организацій были въ то время масонскія ложи и связь украинства съ ними доказывается тѣмъ, что въ спискахъ, напримѣръ, Полтавской ложи встрѣчаемъ имя отца новой украинской литературы Котляревскаго. Въ 1818 году въ Кіевѣ образовалась масонская ложа, извѣстная подъ названіемъ „Общества соединенныхъ славянъ“; она, правда, не имѣла въ виду служить собственно украинскимъ задачамъ, однако, стоя на федеративно-демократическомъ основаніи, проповѣдывала славянофильскія въ лучшемъ значеніи этого слова идеи и до нѣкоторой степени подготовляла почву для появленія такихъ организацій, которыя уже вполнѣ стоятъ на принципѣ украинской автономности. Изъ организацій послѣдняго типа наибольшую извѣстность, благодаря своей трагической судьбѣ, получило основанное по почину Костомарова въ Кіевѣ въ 1846 г. Кирилло-Меѳодіевское братство. Его можно считать первой украинской организаціей съ болѣе или менѣе опредѣленно намѣченной политической программой и потому не лишнимъ будетъ на немъ остановиться.

Программа Кирилло-Меѳодіевскаго братства теперь уже вполнѣ извѣстна. Цѣлью своей дѣятельности оно ставило служеніе идеѣ славянскаго сближенія и единенія на союзныхъ основаніяхъ, съ обезпеченіемъ полной свободы и широкой автономіи всѣмъ народностямъ, входившимъ въ составъ проектированнаго союзаго государства. Такими народностями члены братства считали: великороссовъ, украинцевъ, поляковъ, чеховъ, лужичанъ, хорутанъ, иллиро-сербовъ, и болгаръ; каждая изъ перечисленныхъ націй по уставу братства должна

была составлять отдѣльную республику („Рѣчь Посполитуя“), вполне самостоятельную и независимую въ своемъ внутреннемъ управленіи и культурныхъ дѣлахъ („чтобы каждый народъ имѣлъ свой языкъ, свою литературу, свое общественное устройство“). Органомъ союзнаго правительства долженъ былъ служить сеймъ, состоящій изъ выборныхъ пословъ отъ всѣхъ народовъ; ему долженъ былъ принадлежать рѣшающій залогъ по общимъ вопросамъ. Во главѣ исполнительной власти въ каждой изъ республикъ намѣчался избранный на время „правитель“; точно также избираемымъ долженъ былъ быть и глава всего союза. Кромѣ того, члены братства считали необходимыми условіями правильной государственной жизни общее равенство и свободу, уничтоженіе сословныхъ привилегій и прежде всего крѣпостного права, всеобщее народное образованіе, всеобщее избирательное право, выборное начало при замѣщеніи должностей съ уничтоженіемъ бюрократіи и т. п. Средствами достиженія поставленныхъ задачъ братство считало—воспитаніе въ соотвѣтственномъ духѣ молодежи, распространеніе грамотности въ народѣ и литературы, вообще мирное распространеніе своихъ идей, оговорившись при этомъ, что „правило—цѣль освящаетъ средства—общество признаетъ безбожнымъ“.

Разсматривая изложенную программу, мы должны будемъ признать ее, независимо отъ условій своего времени, очень прогрессивной и демократической, обнаруживающей высокій уровень политическаго мышленія у членовъ братства. Можно было ожидать, что Кирилло-Мефодіевское братство окажетъ сильное и благотворное вліяніе на развитіе демократически-автономистскихъ идей не только на Украинѣ, но и во всей Россіи. Къ сожалѣнію, дѣло погибло, какъ извѣстно въ самомъ зародышѣ: члены общества (Костомаровъ, Гулакъ, Марковичъ, Бѣлозерскій и др.), а также лица, близко стоявшія къ нему (Шевченко, Кулишъ), были въ 1847 г.

арестованы и вся організація была разгромлена, не успѣвъ проявить себя чѣмъ-либо въ практической дѣятельности. Правда, идеи братства не прошли безслѣдно, такъ какъ литературнымъ отголоскомъ ихъ были въ 40-хъ годахъ стихотворенія Шевченка, а позже произведенія Марка Вовчка, несомнѣнно сыгравшія громадную роль въ дѣлѣ распространенія идей демократизма на Украинѣ.

Болѣе десяти лѣтъ прошло прежде, чѣмъ бывшіе члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства получили, наконецъ, нѣкоторую возможность выступить на арену практической дѣятельности — въ „Основѣ“ (1861—1862 гг.). Но время было уже иное: пало крѣпостное право, отходилъ въ вѣчность медовый мѣсяцъ російскихъ свободъ, ознаменовавшихъ кратковременную „эпоху великихъ реформъ;“ многія идеи братства казались тогда уже устарѣвшими по сравненію съ ученіемъ чистаго социализма, распространявшимся въ передовыхъ кругахъ русскаго общества. А въ то же время поднимала голову реакція, возобновились репрессіи со стороны правительства — и „Основа“ должна была прекратить свое существованіе. „Братчики“, хоть и не по собственной винѣ, опоздали съ пропагандой своихъ идей.

Къ концу существованія „Основы“ въ ней зазвучали, впрочемъ, новыя струны въ произведеніяхъ младшихъ ея сотрудниковъ, какъ В. Б. Антоновичъ, П. И. Житецкій, Рыльскій и др.

Особенно ясно новая струна прозвучала въ классической по своей простотѣ и искренности тона „Исповѣди“ покойнаго Антоновича, „По волѣ судьбы — писалъ онъ — я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался. Но, когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія

общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность. Я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ предъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покинутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности, — или же, если для этого не хватить нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобы, наконецъ, избавиться самому предъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ, и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, — заканчиваетъ Антоновичъ — я рѣшился на первое, потому что, сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, — изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное, дружественное слово (хотя

я былъ и *паничъ*), не одну трагическую повѣсть объ истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній“ *).

„Желая мыслить и писать по своему, малороссы не выгораживаютъ себя изъ общерусской жизни,—пишеть въ „Основѣ“ же другой, молодой тогда, ученый П. И. Житецкій. — Мы очень понимаемъ, что, устраняя себя отъ участія въ общерусской жизни, малороссы произнесли бы смертный приговоръ своей словесности,—потому что они пошли бы въ этомъ случаѣ противъ исторіи,—и знаемъ, что они могутъ жить этой общей жизнью самостоятельно, не прибѣгая къ бесполезному и непроизводительному для нихъ займу у другихъ ума и языка... Народъ прежде всего требуетъ отъ своихъ воспитателей уваженія къ его собственному міровоззрѣнію, выработанному вдали отъ школы, и это именно міровоззрѣніе есть точка опоры, отъ которой должно пойти все его будущее развитіе. Отрѣшиться народъ отъ этой почвы — значитъ раздвоить его натуру, значитъ обезпечить вѣчное существованіе двухъ смѣшныхъ категорій — общества и народа (какъ будто народъ — не общество, а стадо овецъ!), которыя у насъ имѣютъ сословный характеръ. Первая—съ титуломъ образованной, послѣдняя... но мы всѣ знаемъ, какъ въ Россіи называютъ народъ... Такъ какъ малорусская литература—явленіе глубоко своеобразное по тому самому, что она идетъ отъ центра къ радісамъ, а не наоборотъ, какъ русская; такъ какъ она начинается съ объективной ширины народнаго міросозерцанія, на которую должна вступить и русская литература въ интересъ своего дальнѣйшаго и болѣе правильнаго развитія, и такъ какъ, съ другой стороны, эта послѣдняя гораздо богаче малорусской общими понятіями,—но обѣ онѣ нуждаются

*) Вл. Антоновичъ. Моя исповѣдь. „Основа“ 1862 г.

одна въ другой и взаимно себя восполняютъ. Это даетъ малорусскому народу право быть индивидуумомъ, личностью и, съ другой стороны, вводитъ эту личность, какъ самостоятельную силу, въ общерусскій міръ для общечеловѣческихъ стремленій, успѣхъ которыхъ зависятъ отъ равновѣсія и полноправности обѣихъ народностей“ *).

Такимъ образомъ къ концу существованія „Основы“ уже ярче и опредѣленнѣе вырисовались тѣ черты демократизма и фѣдерализма, какими проникнута вся вообще новѣйшая украинская литература въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Намѣчена линія поведенія на двѣ стороны — по отношенію къ польскому и общерусскому такъ называемому обществу на Украинѣ, опредѣлены его обязанности относительно украинскаго народа. Намъ въ особенности дорого настроеніе, воплощенное между прочимъ въ „Исповѣди“ Антоновича, которое въ послѣдствіи, въ 70-хъ годахъ, создало такую яркую полосу въ общерусской жизни, характеризующую „кающимися дворянами“. По условіямъ украинской жизни это настроеніе сказалось здѣсь раньше, хотя по тѣмъ же условіямъ и не приобрѣло столь сильнаго размаха, что, впрочемъ, не мѣшаетъ его опредѣленности и глубокому значенію въ исторіи роста украинскаго самосознанія.

Характерной въ то же время особенностью украинскихъ программныхъ заявленій начала 60-хъ годовъ является ихъ равнодушіе, можно сказать даже — пренебрежительное отношеніе къ политическому переустройству страны. „Никто вѣдь изъ насъ не только не говоритъ и не помышляетъ о политикѣ, но всякое (?) политическое стремленіе при настоящемъ состояніи общества до того смѣшно и ребячески наивно (!) въ нашихъ глазахъ, что серьезно даже считаемъ лишнимъ (!)

*) П. Житецкій. Русскій патріотизмъ. „Основа“, 1862 г.

возражать на этот упрек“, — такъ заявляютъ лица, подписавшія извѣстный „Отзывъ изъ Кіева“ въ 1882 г. и принадлежавшія въ общемъ къ молодому поколѣнію украинскихъ дѣятелей *). Въ подобномъ же смыслѣ высказывались тогда и старшіе дѣятели, во главѣ съ Костомаровымъ. Принимая, „что каждый народъ стремится всѣми силами души къ разумной политической жизни и желалъ бы поскорѣ видѣть на своемъ знамени лозунгъ: „политическая и національная свобода“—они въ то же время „дѣйствительныхъ улучшеній“ въ этомъ направленіи ожидаютъ отъ... современнаго правительства!... **). Украинское народничество начала 60-хъ годовъ носило, какъ видимъ, по преимуществу мирный, культурнический характеръ, что ясно не только изъ приведенныхъ заявленій и прямого неодобренія революціонныхъ выступленій „Молодой Россіи“, содержащагося въ упомянутомъ уже „Отзывѣ изъ Кіева“, но и изъ практической дѣятельности въ видѣ изданія популярныхъ книгъ, устройства воскресныхъ школъ и тому подобныхъ предпріятій. Такое настроеніе продолжалось, впрочемъ, не долго, и уже въ слѣдующее десятилѣтіе осужденныя „политическія стремленія“ занимаютъ подобающее мѣсто въ украинскихъ програмныхъ заявленіяхъ.

Послѣ прекращенія „Основы“ и вслѣдствіе наступленія реакціи снова слѣдуетъ въ исторіи развитія украинской общественной мысли перерывъ, втеченіе котораго въ украинскихъ кругахъ обращено было особенное вниманіе на культурно-научную и просвѣтительную дѣятельность, достигшую къ срединѣ 70-ыхъ годовъ значительныхъ результатовъ. Но въ то же время принимаетъ болѣе опредѣленныя формы

*) См. „Австро-руськи спомини“ М. Драгоманова, ч. III и IV. Львовъ, 1890, стр. 301 и сл.

**) „Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка“. Кіевская Старина, 1905.

и чисто политическое направлєніе, не игравшее замѣтной роли среди настроєній украинскаго общества въ 60-хъ годахъ. Въ половинѣ 70-хъ годовъ, когда на Украинѣ воцарился густой мракъ чудовищныхъ репрессій, начинается общественно-политическая дѣятельность незабвеннаго въ исторіи украинскаго движенія Драгоманова. Воспитанный на идеяхъ Кирилло-Меодіевскаго братства и на послѣднихъ выводахъ западно-европейской соціальной науки (Прудонъ, Бакуинъ), человѣкъ съ глубокимъ критическимъ умомъ и выдающимся публицистическимъ талантомъ — Драгомановъ сумѣлъ удачно примирить федерализмъ братчиковъ съ новѣйшими идеями западно-европейскаго социализма. Политическія требованія его сводились къ полноправію человѣческой личности безъ различія національности и пола, къ неограниченной свободѣ слова, печати, науки, общества, собраній и союзовъ, къ полной автономности каждой общины („громади“) въ ея внутреннихъ дѣлахъ и, наконецъ, къ независимости вольнаго союза („вільна спілка“) общинъ на всемъ пространствѣ Украины, при чемъ національныя меньшинства должны пользоваться одинаковыми правами съ большинствомъ населенія. Въ сферѣ экономики обращаетъ на себя вниманіе требованіе передачи земель и водъ, а также орудій производства въ руки трудящихся, т. е. рабочимъ союзамъ. Что касается тактики, то, не отказываясь „отъ мирной дѣятельности для общественнаго прогресса“, Драгомановъ въ то же время отмѣчаетъ, что „никогда и нигдѣ коренное переустройство общественныхъ отношеній не являлось результатомъ исключительно мирнаго прогресса“, и потому подчеркиваетъ неизбежность упорной и тяжелой борьбы—вплоть до вооруженнаго возстанія — трудящихся массъ за осуществленіе своихъ требованій.

Въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій, какъ „Громада“, а также въ отдѣльныхъ брошюрахъ и статьяхъ

(„Вільна Спілка“ и др.) Драгомановъ разрабатывалъ, развивалъ и распространялъ изложенные здѣсь взгляды и, несомнѣнно, дѣятельность его имѣла громадное значеніе въ развитіи общественнаго движенія на Украинѣ. Поставивъ цѣлью своей дѣятельности общечеловѣческіе идеалы свободной личности, Драгомановъ шелъ къ этой цѣли, какъ представитель своего народа („космополитизмъ въ цѣляхъ, націонализмъ въ путяхъ и средствахъ“ было его излюбленнымъ выраженіемъ), и большую часть своихъ силъ посвятилъ дѣятельности на пользу родной Украины. Даже больше—онъ не въ состояніи былъ представить себѣ социалиста на Украинѣ, который бы не воспользовался для распространенія своихъ идей той удобной почвой, какую представляетъ украинское движеніе. „Если, — писалъ неоднократно Драгомановъ—украинецъ, не сдѣлавшійся социалистомъ, обнаруживаетъ только, что онъ не додумался или не доучился до конца, то въ свою очередь и социалистъ на Украинѣ, не присоединившійся къ украинскому движенію, тоже не доучился, не додумался до конца, не преодолюлъ въ себѣ пана, чиновника“. Выставивъ такое положеніе и неуклонно слѣдуя ему въ своей дѣятельности, Драгомановъ способствовалъ возврату къ украинскому народу его передовой интеллигенціи, считавшей раньше украинскій вопросъ слишкомъ узкимъ и не отвѣчающимъ требованіямъ общечеловѣческаго развитія; онъ заставилъ считаться съ украинствомъ, какъ съ серьезной общественной силой, даже тѣхъ, кто привыкъ съ насмѣшкой или пренебреженіемъ относиться къ національнымъ стремленіямъ угнетенныхъ народностей. Подводя итоги сказанному, можно охарактеризовать Драгоманова, какъ смѣлаго садовника, который умѣлою рукою привилъ украинскую вѣтвь къ стволу общечеловѣческаго развитія и пріобщилъ украинское движеніе къ европейскимъ освободительнымъ теченіямъ.

Дѣятельностью Драгоманова данъ былъ толчокъ соціалистическому движенію на украинской почвѣ— сначала въ Галичинѣ, куда его идеямъ и изданіямъ доступъ былъ свободнѣе. Съ конца 70-хъ годовъ среди представителей молодого поколѣнія въ Галичинѣ (Франко, Павликъ, Терлецкій и др.) возникаетъ вполне опредѣленное соціалистическое теченіе, пріобрѣтшее въ концѣ 80-хъ гг. уже форму партійной организаціи, извѣстной подъ именемъ радикальной партіи. Украина переживала тогда особенно тяжелое время. Безпросвѣтная реакція, воцарившаяся въ 80-хъ годахъ въ Россіи, на Украинѣ пріобрѣла формы самага чудовищнаго гнета, какой только можно представить. Литература украинская секретнымъ указомъ 1876 года обречена была на смерть, національный духъ украинскаго народа и его требованія беспощадно подавлялись и были совершенно лишены возможности самовыраженія даже въ такихъ невинныхъ проявленіяхъ, какъ театръ, музыка и т. п. Всѣ живыя силы были скованы невозможными условіями; усталые и отчаявшіеся — одни изъ украинскихъ дѣятелей погрузились въ мелочную будничную работу, другіе совсѣмъ сошли со сцены. Полной безысходностью и безнадежностью вѣетъ отъ этого страшнаго времени всеобщаго упадка и подавленности. Тѣмъ болѣе сильнымъ толчкомъ завязшему организму украинскихъ общественныхъ интересовъ оказалось появленіе въ родственной Галичинѣ молодой, свѣжей партіи, пришедшей на смѣну такъ называемымъ народовцамъ, уже потерявшимъ къ тому времени кредитъ на своей родинѣ.

При несомнѣнномъ вліяніи радикальной партіи происходитъ и на Украинѣ пересмотръ полученныхъ въ наслѣдство цѣнностей и образованіе новыхъ кадровъ интеллигенціи, при чемъ она замѣтно передвигается влѣво, въ сторону болѣе опредѣленныхъ демократическихъ требованій. Дѣятельность радикальной партіи, нашедшей въ Галичинѣ благопріятную почву и поддержку

среди крестьянства и ставшей здѣсь твердой ногой, вызвала интересъ и на Украинѣ, проявлявшійся сперва въ видѣ матеріальной и литературной помощи заграничнымъ единомышленникамъ, а затѣмъ и попытками организациі политическихъ партій на мѣстной почвѣ. Въ первой половинѣ 90-хъ годовъ мы встрѣчаемъ уже здѣсь зародыши организацій, ставящихъ себѣ не только культурныя, какъ было раньше, но и политическія задачи на украинской почвѣ. Изъ этихъ первоначальныхъ организацій ни одна не дожила до нашего времени, тѣмъ не менѣе онѣ сослужили свою службу въ томъ отношеніи, что подготовили почву для будущихъ партійныхъ организацій и большею частью впослѣдствіи вошли въ нихъ, какъ матеріаль, уже прошедшій кой-какую политическую школу и потому обладавшій извѣстнымъ воспитаніемъ въ политическомъ отношеніи.

III.

Даже при бѣгломъ взглядѣ на ходъ украинскаго движенія, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ его представителей и до послѣдняго времени, вниманіе наше сразу же останавливается на двухъ сторонахъ развитія національной украинской идеи: наростаніи демократизма и углубленіи автономизма. Было время, когда отмѣченныя здѣсь стороны интересующаго насъ процесса не только не совпадали, не только не шли параллельными путями, но находились даже въ нѣкоторомъ несогласіи между собою. Украинскіе автономисты стараго времени, за незначительными исключеніями, меньше всего думали объ интересахъ народа, т. е. трудящихся массъ, и боролись за автономію Украины главнымъ образомъ въ своихъ классовыхъ и сословныхъ видахъ. Если въ моменты остраго національнаго угнетенія имъ и удавалось овладѣть народнымъ движеніемъ и на

время стать во главѣ народныхъ массъ, то только потому, что страданія народа достигали высшей степени напряженія, что, не видя ни откуда помощи, народъ невольно хватался за послѣднее средство спасенія, не разбираясь въ тонкостяхъ политическихъ соображеній. Несомнѣнно однако, что народъ боролся за свое собственное дѣло—соціальное, экономическое и національное освобожденіе, и при томъ же онъ не понималъ національнаго освобожденія безъ соціального и экономического и потому всякій разъ оставлялъ автономистовъ на волю всеблагого провидѣнія, какъ только замѣчалъ, что дороги ихъ расходятся, и недавніе союзники и вожди являются представителями чуждыхъ и враждебныхъ классовыхъ интересовъ. За автономистами на узкой классовой подкладкѣ народъ идти не могъ, и всѣ усилія ихъ подвинуть по этому пути массы должны были потерпѣть полную неудачу, при чемъ даже самый принципъ автономности былъ затемненъ и искаженъ до неузнаваемости. Оказалось, что для привлеченія къ этому принципу широкихъ трудящихся массъ необходимо его кореннымъ образомъ передѣлать, т. е. связать автономизмъ съ народными интересами и придать ему неподдѣльно демократическій, отвѣчающій народнымъ нуждамъ обликъ. Опытъ прошлаго, съ одной стороны, и общій ростъ демократіи въ Европѣ, съ другой, должны были привести и украинскую интеллигенцію на единственно крѣпкую позицію — общенія съ народомъ на почвѣ его нуждъ и интересовъ. Это теченіе проявляется уже въ дѣятельности первыхъ поборниковъ украинскаго возрожденія въ литературѣ и общественной жизни (начало XIX столѣтія) и по мѣрѣ развитія украинскаго движенія все усиливается. Приведенныя общія замѣчанія необходимо имѣть въ виду, приступая къ обзорѣ современнаго общественно-политическаго движенія на Украинѣ, развѣтвившагося на нѣсколько направленій.

Въ предыдущемъ изложеніи мы остановились на украинскихъ организаціяхъ, носившихъ переходный, подготовительный характеръ. Изъ такихъ организацій мы упомянемъ здѣсь лишь о двухъ, такъ какъ именно онѣ доставили больше всего матеріала для современной партійной группировки украинскихъ общественныхъ силъ.

Первая организація возникла въ началѣ 90-хъ годовъ въ Кіевѣ, но впослѣдствіи распространила свое вліяніе и на другіе украинскіе города, гдѣ существовала подходящая почва въ видѣ мѣстныхъ „громадъ“. Члены упомянутой организаціи называли себя „Тарасівцями“ и по направленію, говоря вообще, были близки къ галицкому радикализму. Активной дѣятельностью „Тарасівці“ себя не проявили и нѣсколько лѣтъ спустя вошли въ новую, всеукраинскую, организацію; если они и заслуживаютъ упоминанія, то лишь потому, что едва-ли не первые вышли изъ узкихъ рамокъ мѣстныхъ „громадъ“ и сдѣлали попытки болѣе широкаго объединенія украинскихъ силъ.

Болѣе видную роль въ этомъ отношеніи, какъ и вообще въ развитіи украинскаго движенія, сыграла всеукраинская организація, начало которой было положено на общемъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ 1897 г. Задачей ея было объединеніе всѣхъ сознательныхъ элементовъ украинства, разбросанныхъ по различнымъ мѣстамъ, и борьба общими силами за національныя права украинскаго народа. Въ зависимости отъ политическаго состоянія Россіи названная организація, какъ и другія подобныя, была, конечно, тайной; состояла она изъ автономныхъ „громадъ“, связанныхъ по типу федераціи. Исполнительнымъ ея органомъ была избираемая на одинъ годъ центральная „рада“, а законодательнымъ— періодическіе съѣзды представителей мѣстныхъ громадъ, собиравшіеся три раза въ годъ. Положеніе украинства, скованнаго неслыханными и безпримѣрными въ исторіи запрещеніями и преслѣдованіями, само собой направило

дѣятельность организаціи на удовлетвореніе національных нуждъ и запросовъ украинства. Дѣятельность организаціи заключалась поэтому главнымъ образомъ въ пропагандѣ идеи украинскаго національнаго возрожденія, большею частью среди интеллигенціи, въ сплоченіи сознательныхъ элементовъ, распространеніи украинской книги, издательствѣ и т. п. Это была по преимуществу культурная дѣятельность, имѣвшая цѣлью подготовить почву и людей для будущихъ политическихъ организацій, появленіе которыхъ было неизбежно, какъ только ростъ украинства далъ бы для этого надлежащія силы и средства. Не обладая выработанной въ подробностяхъ политической программой, будучи, какъ говорятъ теперь, безпартійной, названная организація имѣла во всякомъ случаѣ вполнѣ демократическій обликъ и объединила почти всѣ, стоявшія на національной почвѣ, интеллигентныя силы на Украинѣ. Правильнаго общенія съ народомъ, если не считать случайныхъ связей и отношеній, у ней однако не было.

Значеніе упомянутыхъ безпартійныхъ организацій, кромѣ сказаннаго, заключается еще въ томъ, что постепенно, при помощи украинской печати, онѣ покончили со смутой предыдущаго „украинскаго“ періода и вполнѣ опредѣленно и твердо стали на національной почвѣ. Этимъ дѣло украинскаго національнаго возрожденія было связано уже не съ личными симпатіями и, такъ сказать, „укаинофильскимъ“ настроеніемъ отдѣльныхъ лицъ, а поставлено на твердое основаніе народныхъ интересовъ, чѣмъ созданы были условія и для партійной общественно-политической дѣятельности, въ которой заинтересованы, а потому и не могутъ оставаться равнодушными, уже и широкія массы трудящагося люда.

Въ исторіи украинскаго движенія послѣдняго времени выдающееся значеніе имѣлъ 1898 годъ—годъ, когда украинская литература праздновала свои „великі

роковини“ — столѣтній юбилей своего существованія*). Здѣсь нѣтъ надобности подробно останавливаться на громадномъ общественномъ значеніи литературы, этого, быть можетъ, лучшаго выраженія народной жизни. Правда, украинская литература, полузадушенная извѣстными запрещеніями, не могла, конечно, служить полнымъ и яркимъ отраженіемъ народныхъ нуждъ во всемъ ихъ объемѣ, — о подобной роли дѣятели украинской литературы не могли и мечтать, не имѣя въ рукахъ прежде всего органовъ періодической печати, — тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья, она все-таки честно выполняла свой долгъ, служа народнымъ интересамъ. И столѣтній юбилей официально упраздненной литературы былъ одной изъ наиболѣе, можетъ быть, яркихъ и наглядныхъ несообразностей, какими вообще такъ богата русская жизнь. Столѣтній юбилей непрерывнаго мученичества, каторжнаго прозябанія „внѣ закона“, мытарствъ подъ удесятереннымъ бдѣніемъ цензорскаго глаза и отчаянной борьбы за существованіе — этотъ тяжелый юбилей долженъ былъ внушить его участникамъ много горькихъ, но за то и не мало отрадныхъ мыслей. Литература, выдержавшая столько гоненій и просуществовавшая при такихъ ужасныхъ условіяхъ цѣлое столѣтіе, очевидно, искорененію не поддается: очевидно, для упраздненія ея не достаточно начальственныхъ предписаній, очевидно, есть что-то въ самой жизни, что поддерживаетъ ее и питаетъ вопреки грознымъ указамъ о томъ, что украинскаго языка „не было, нѣтъ и быть не можетъ“. **) Этотъ юбилей служилъ, такимъ образомъ, наглядной иллюстраціей ничтожности предпріятія знаменитой Щедринской „комиссіи объ искорененіи“, заключеніе которой — „ничто

*) Въ 1798 г. вышло первое изданіе извѣстной „Енеиды“ Котляревскаго, которую новая украинская литература считаетъ своимъ исходнымъ пунктомъ.

**) Безсмертное выраженіе Валуевскаго отъ 18 іюля 1863 года.

надлежащимъ образомъ не будетъ искоренено, пока не будетъ искоренена литература“ — для украинской литературы звучало не невинной шуткой, а вполне реальной угрозой, воплотившись въ искоренительныхъ постановленіяхъ 1863 и 1876 годовъ. Праздникъ украинской литературы сыгралъ роль убѣдительнѣйшаго комментарія къ дышащей глубокимъ убѣжденіемъ въ неискоренимости литературы защитительной рѣчи великаго русскаго сатирика въ „комисіи объ искорененіи“. „Милостивые государи! — какъ будто звучали въ юбилейныхъ рѣчахъ и статьяхъ слова сатирика, — вамъ, конечно, не безызвѣстно выраженіе: *scripta manent*. Я же подѣ личною за сіе отвѣтственностью присовокупляю: *semper manent, in saecula saeculorum*. Да, господа, литература не умретъ! Не умретъ во вѣки вѣковъ! А посему какъ бы намъ съ нашей комиссіей не осрамиться. Все, что мы видимъ вокругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ, — одна литература останется цѣлою и непоколебимою. Одна литература изъята изъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Не смотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человѣчества, про который можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ“ („Круглый годъ“). Неумирающая жизнь дѣйствительно осрамила комиссію Валуевыхъ, Юзефовичей и К^о и ея категорическому „не было, нѣтъ и быть не можетъ“ (литературы) противопоставила свое не менѣе категорическое: „не было такихъ моментовъ (упраздненія литературы), нѣтъ и не будетъ“. На чьей сторонѣ оказалась побѣда, мы уже знаемъ...

И вотъ литература, насчитывающая сто лѣтъ своего существованія, да еще подѣ обухомъ такихъ неслыханныхъ

притѣсненій, можетъ быть, впервые остановила на себѣ вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ на Украинѣ. Публичное празднованіе „великихъ роковин“ во Львовѣ, Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ болѣе крупныхъ центрахъ украинской жизни, разнесенное стоустой молвой по всей Украинѣ, навѣрное не одного, совершенно до того времени несознательнаго въ національномъ смыслѣ, украинца разбудило отъ долгаго сна, не одному открыло глаза и привело въ украинскій лагерь. Русская печать, вольно или невольно, но вообще украинскаго движенія чрезмѣрнымъ вниманіемъ не баловавшая, должна была также откликнуться на событіе и съ своей стороны способствовать по крайней мѣрѣ фактическому ознакомленію широкихъ общественныхъ круговъ съ положеніемъ украинскаго вопроса. Случайно этотъ моментъ совпалъ, кромѣ того, съ нѣкоторымъ ослабленіемъ цензурнаго вниманія къ украинской литературѣ; появилась возможность издавать въ болѣшемъ количествѣ и лучшаго качества по крайней мѣрѣ беллетристику. Украинская книга начала проникать въ читательскую среду, воспитывать и развивать читателя въ національномъ смыслѣ. Постепенно увеличивался кругъ сознательныхъ украинцевъ, національное самосознаніе растеть въ ширь и глубь, такъ что дѣлаются уже возможными такіа внушительныя, по тому времени, демонстраціи украинства, какъ имѣвшія мѣсто при открытіи памятника Котляревскому въ Полтавѣ или во время юбилейнаго чествованія Н. В. Лисенка въ Кіевѣ (1903 г.). Уже не отдѣльные „укаинофилы“ или не болѣшіе кружки считаютъ себя связанными съ украинствомъ, — подѣ давленіемъ правительственнаго прессы народилось украинское общество, которое, не скрываясь, выступало на публичную арену и заставляло говорить о себѣ и друзей, и недруговъ. Въ самомъ дѣлѣ — характерный и заслуживающій вниманія фактъ: враги украинскаго движенія, обходившіе его презрительно-горделивымъ молчаніемъ въ продолженіе предыдущаго

періода (80—90 гг.), теперь снова начинают возвышать голосъ, не брезгая даже такими средствами, какія пущены были въ дѣло на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ (въ 1899 г.). Усиленное вниманіе, вплоть до обычныхъ доносовъ и натравливанья, со стороны реакціонныхъ круговъ было вѣрнымъ признакомъ, что украинство, какъ общественное теченіе, уже переросло предѣлы небольшихъ кружковъ и группъ и начинаетъ собирать вокругъ себя болѣе широкіе круги общества. На слѣдующей ступени развитія движеніе должно было затронуть уже и народныя массы, и здѣсь впервые почувствовалась настоящая необходимость выступленія политическихъ партій на основѣ украинской національной жизни и требованій.

Я не имѣю въ виду въ настоящее время входить въ подробную оцѣнку программъ современныхъ украинскихъ партій. Бѣглыя замѣчанія, какія читатель найдетъ ниже, приведены исключительно съ тою цѣлью, чтобы положить мостъ между прошлымъ украинскаго движенія, современнымъ его состояніемъ и видами въ будущемъ. Послѣднія принимаются мной въ томъ смыслѣ, что украинская національная идея въ видахъ собственнаго развитія должна быть по возможности крѣпче и рѣшительнѣе связана съ народными интересами, служить имъ и только имъ и никогда не оставлять безъ вниманія нужды украинскихъ трудящихся массъ. Это такая громадная — смѣло можемъ сказать: наиболѣе великая — задача настоящаго времени, ради которой украинцамъ необходимо напрячь всѣ свои силы, призвать все живое на послѣднюю, быть можетъ, борьбу съ темной силой, — иначе украинскій народъ, какъ нація, можетъ пасть жертвой преждевременной смерти накануне великаго освобожденія народовъ. Поставивъ предъ украинствомъ такую серьезную задачу, естественно будетъ пересмотрѣть тѣ общественныя силы, какія теперь болѣе или менѣе активно выступаютъ на

аренѣ украинской политической жизни или, по крайней мѣрѣ, стремятся къ такому выступленію.

Первой по времени партійной организаціей на украинской почвѣ была *Револуційна Українська Партія* (Р. У. П.), возникшая приблизительно около 1900 г. Это была, какъ теперь сознаются даже бывшіе ея члены, „небольшая группа пропагандистовъ и литераторовъ“ безъ опредѣленной, прибавимъ, программы, особенно въ экономическихъ вопросахъ; говоря вѣрнѣе, это былъ блокъ весьма различныхъ элементовъ, спаянныхъ, съ одной стороны, соціалистическими въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова тенденціями, а съ другой—крайне отрицательнымъ отношеніемъ къ предыдущимъ теченіямъ украинской общественной жизни. Рядомъ и одновременно съ Р. У. П. появилось было и другое родственное ей теченіе, представленное *Соціалістичною Українською Партією* (С. У. П.), опредѣленнѣе намѣчавшей свои отношенія къ общему украинскому движенію, но это послѣднее движеніе оказалось настолько слабымъ, что С. У. П. просуществовала не болѣе 2—3 лѣтъ и въ послѣдствіи совершенно слилась съ Р. У. П. Послѣднюю легче характеризовать отрицательными, чѣмъ положительными, чертами—тѣмъ, что она отрицала, а не чего добивалась. Выступая—и вполнѣ своевременно—на арену политической дѣятельности, Р. У. П. перегибала лукъ въ обратную сторону, вовсе отрицая всякую вообще культурную работу на украинской почвѣ,—одно время слово „культурникъ“ въ устахъ членовъ партіи считалось однимъ изъ наиболѣе оскорбительныхъ прозвищъ,—и сообразно съ этимъ не признавая вовсе дѣятельности своихъ предшественниковъ. Какъ это всегда бываетъ съ „Иванами Непомнящими“, во взглядахъ и дѣйствіяхъ упомянутой „небольшой группы“ царилъ полный беспорядокъ, что очень чувствительно отражалось на партійныхъ ея изданіяхъ. Первое изданіе партіи, брошюра „Самостійна Україна“, было особенно

яркимъ показателемъ смуты, господствовавшей въ рядахъ Р. У. П. Достаточно сказать, что „современная молодая Украина“, по словамъ названной брошюры, „считаетъ себя непосредственнымъ наслѣдникомъ Шевченка, а традиціи ея восходятъ къ Мазепѣ, Хмельницкому и королю Данилу, оставляя въ сторонѣ украинофиловъ“. Вмѣстѣ съ украинофилами „молодая Украина“, какъ видимъ, просмотрѣла и Драгоманова, не говоря уже о другихъ теченіяхъ въ украинскомъ движеніи, которыя несомнѣнно должны были отразиться на его современной фізіономіи. Углубившись въ слишкомъ сѣдую старину вплоть до „короля Данила“, партія естественно не нашла ничего лучшаго для современности, какъ выдвинуть условія переяславскаго договора и положить его требованія въ основу своей дѣятельности: цѣль ея—„возвращеніе намъ правъ, опредѣленныхъ переяславской конституціей 1654 года, съ распространеніемъ ея на всю территорію, занимаемую украинскимъ народомъ въ Россіи“. Цвѣтистая, хотя и достаточно туманная рѣчь, громкія восклицанія, противорѣчія, фактическія ошибки, непродуманные обрывки соціализма и довольно откровенный шовинизмъ—сплелись въ этой брошюрѣ въ такой запутанный узелъ, какой партія оказалась, очевидно, не въ состояніи распутать, а предпочла разрубить. Она скоро отреклась отъ перваго своего изданія, этого первороднаго грѣха, и приверженцы „самостійної України“ выдѣлились изъ Р. У. П., образовавъ новую организацію (Українська Народная Партія). Тѣмъ не менѣе и послѣ этого Р. У. П. не скоро еще освободилась отъ колебаній и внутреннихъ трений, доходящихъ до такой степени, что члены во всякомъ случаѣ національной организаціи не признають вовсе національнаго вопроса, считая его „не существующимъ“, какъ выразился кто-то въ партійномъ органѣ „Праця“. За то въ области общественно-политическихъ вопросовъ партія постепенно идетъ въ направленіи

соціалдемократіи, каковая къ тому времени уже имѣла на украинской почвѣ новую группу (С.-Д.), правда, ничѣмъ себя не проявившую, кромѣ изданія двухъ-трехъ брошюръ. Переживъ въ началѣ 1905 г. кризисъ, когда часть Р. У. П. откололась и основала такъ называемую „Соціалдемократическую Спілку“ подъ крылышкомъ російской соціалдемократіи, Р. У. П. въ концѣ того же года организуется и сама въ соціалдемократическую партію, принявъ и новое названіе—*Українська Соціалдемократична Робітнична Партія* (У. С.-Д. Р. П.). Такимъ образомъ, пройдя довольно сложную эволюцію, партія приобрѣла, наконецъ, опредѣленный обликъ, отличаясь отъ общеросійской соціаль-демократіи только требованіемъ автономіи Украины. Пока это требованіе—единственное, что удерживаетъ украинскихъ соціалдемократовъ на родной почвѣ и въ положеніи ихъ, какъ партіи украинской, нельзя не видѣть большой опасности. Уже и теперь имъ соблазнительно улыбается перспектива „соениненія всѣхъ національныхъ пролетарскихъ армій подъ знаменемъ единой государственной (!) соціалдемократической партіи Россіи, съ общей программой и тактикой“, или, говоря иными словами, поглощеніе централистическими элементами. Что будетъ тогда съ требованіемъ автономіи Украины — загадывать пока излишне, хотя судьба упомянутой выше „Спілки“, совершенно утратившей первоначальный украинскій характеръ и даже враждебно относящейся теперь къ украинскому движенію, можетъ служить весьма поучительнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ.

Какъ я упоминалъ уже, отъ того же корня „Самостійной України“, подъ знаменемъ которой выступили въ свое время предшественники нынѣшнихъ украинскихъ соціаль-демократовъ, ведетъ свое начало и другая украинская національная организація — *Українська Народня Партія* (У. Н. П.). Но если первые пристали наконецъ, къ опредѣленному берегу, то вторая

продолжаетъ и до сихъ поръ носиться безъ руля и безъ вѣтриль по безбрежному морю старыхъ противорѣчій „Самостійної України“ и другихъ своихъ изданій въ томъ же духѣ. Ту же дикую смѣсь, какую мы видѣли въ первоначальной организаціи Р. У. П., мы можемъ наблюдать и въ „Народной Партіи“, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что послѣдняя вполнѣ рѣшительно стала на почву самага крайняго, можно сказать, совершенно откровеннаго шовинизма, подъ видомъ интересовъ трудящихся массъ проповѣдующаго необузданное чело-вѣконенавистничество, раздувая отвратительный огонь національной вражды. Что это такъ, достаточно будетъ припомнить тѣ „десять заповѣдей“, которыми открыва-ется брошюра „Справа української інтелігенції в про-грамі У. Н. П.“*). Постепенно, лоскутъ за лоскутомъ, спадутъ съ партіи облакающіе ее теперь якобы-соці-алистическіе покровы, и тогда ярко выступитъ ничѣмъ не прикрашенная шовинистическая сущность ея, которая дастъ вполнѣ опредѣленный обликъ этимъ, если хотите, „истинно-украинскимъ“ людямъ. И въ интересахъ какъ самой партіи, такъ и украинскаго общества желательно было бы, чтобы это превращеніе осуществилось, какъ можно скорѣе.

Третья изъ современныхъ украинскихъ партій — *Українська Демократично-Радикальна Партія* (У. Д.-Р. П.) вышла изъ всеукраинской безпартійной организаціи, о которой мною упоминалось въ своемъ мѣстѣ.

Въ 1903 году, когда надъ Россіей пронеслись первые признаки неминуемой схватки между самодержавіемъ и поборниками новаго строя, среди членовъ упомянутой безпартійной организаціи впервые возникаетъ мысль

*) Приводимъ болѣе выразительныя изъ нихъ. Вторая „Заповѣдь“ гласитъ: „Всѣ люди твои братья, но москали, ляхи, венгерцы, румыны и жидаы—это враги нашего народа, пока они господствуютъ надъ нами и эксплуатируютъ насъ“. Третья: „Укра-ина для украинцевъ! А потому гони отовсюду изъ Украины чужеземцевъ-уѣснителей“ и т. п.

о преобразованіи ея въ политическую партію съ опредѣленной программой. Какъ осуществленіе этой мысли, вскорѣ появилась „Українська Демократична Партія“, близкая по своему составу и взглядамъ къ россійской общеземской и городской организаціи и „Союзу Освобожденія“. Но уже въ періодъ образованія партіи изъ нея выдѣлились болѣе радикальные элементы, образовавъ самостоятельную группу, съ социалистически-народнической программой, подъ названіемъ „Української Радикальної Партіи“, проявившей себя втеченіе кратковременнаго своего существованія (вторая половина 1905 г.) довольно интенсивной издательской дѣятельностью (во Львовѣ и Петроградѣ). Послѣ извѣстныхъ событій въ концѣ 1905 года обѣ названныя партіи, имѣвшія нѣкоторыя общія черты въ програмномъ отношеніи, опять сливаются въ одну—нынѣшнюю *Демократично-Радикальну Партію*, положивъ въ основаніе соглашенія компромиссъ между довольно разнородными элементами, характеризовавшими обѣ группы. Съ этого времени и до сихъ поръ партія все еще находится въ періодѣ формированія, съ которымъ она, очевидно, не въ состояніи покончить, время отъ времени принимая пересмотръ программы, перемѣну партійнаго названія и т. п. Уже изъ этой, болѣе чѣмъ краткой, исторіи Д.-Р. партіи видно, что она не обладаетъ опредѣленной фізіономіей, будучи въ сущности блокомъ разнородныхъ элементовъ, которые тяготѣютъ въ разныя стороны и тѣмъ тормозятъ практическую дѣятельность партіи. Къ этому необходимо прибавить, что и нынѣшняя программа ея, какъ результатъ компромисса, страдаетъ поразительной неясностью въ нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ *), а тактика и вовсе не

*) Напр., въ аграрномъ вопросѣ, который партія, собственно говоря, обошла: „Въ областной земельный фондъ частновладѣльческія земли должны перейти на условіяхъ, выработанныхъ областными сеймовъ“. См. „Программу Української дем.-рад. партіи“ Одесса 1906 г.

обозначилась. Слабая вообще дѣятельность партіи зависитъ, мнѣ кажется, отъ того, что основное ядро ея составляютъ люди умѣренно-демократическаго направленія, близкіе къ русскимъ кадетамъ и по самому существу неспособные къ нелегальной дѣятельности, на которую обречены въ силу условій неумолимой российской дѣйствительности. Составленная изъ неоднородныхъ элементовъ, Д.-Р. партія колеблется между правымъ и лѣвымъ своимъ крыломъ, не рѣшаясь твердо стать на какую-нибудь опредѣленную позицію. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что по своему составу Д.-Р. партія является наиболѣе сильной и серьезно обставленной изъ современныхъ украинскихъ партій. Что она могла бы сыграть извѣстную роль въ политической жизни Украины, это показываетъ опытъ съ Государственной Думой перваго и втораго созывовъ, гдѣ такъ называемая „Украинская Громада“ организовалась при несомнѣнномъ вліяніи и участіи украинскихъ демократовъ-радикаловъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства быстро положили конецъ попыткамъ открытой политической организаціи и тѣмъ самымъ внесли разстройство и въ ряды данной партіи. Можно думать — и это представляется мнѣ чуть ли не единственнымъ выходомъ для партіи, — что въ будущемъ элементы, стоящіе какъ правѣе, такъ и лѣвѣе основного ядра ея, отпадутъ и она претворится въ обычнаго типа либеральную партію на украинской почвѣ.

Въ такомъ видѣ представляется партійный составъ современнаго украинскаго общества, такой обликъ имѣютъ нынѣшнія украинскія партіи. Уже изъ представленной здѣсь бѣглой характеристики каждой можно заключить, что ни одна изъ нихъ не является непосредственной выразительницей и представительницей интересовъ громаднаго большинства украинскихъ трудовыхъ массъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ мелкаго крестьянства — „хліборобовъ“. Украинская

соціалъ-демократія занята організаціей городского пролетаріата и вслѣдствіе этого сознательно уклоняется отъ систематической дѣятельности среди сельскаго населенія, удѣляя свое вниманіе, согласно съ постановленіемъ второго партійнаго съѣзда, лишь „сельскому пролетаріату и полупролетаризированному крестьянству“. Правда, своимъ девизомъ украинская соціалъ-демократія ставитъ якобы—„черезъ городъ въ деревню“, но если даже это не фраза, то и въ такомъ случаѣ данный девизъ только ярче подчеркиваетъ уклоненіе партіи въ настоящемъ отъ дѣятельности въ деревнѣ. Что касается остальныхъ двухъ украинскихъ партій, то хотя онѣ и ставятъ своей непосредственной задачей работу среди крестьянства, но, очевидно, выполнить ее не могутъ. Онѣ не въ состояніи вполнѣ представить его интересы и, какъ мнѣ кажется, не способны дать глубокіе ростки на деревенской почвѣ—У. Н. П. вслѣдствіе своего повышеннаго шовинизма, а У. Д.-Р. П. вслѣдствіе колебаній и наклонности къ оппортунизму. Такимъ образомъ, среди украинскихъ партій нѣтъ организаціи, которая взяла бы на себя работу среди украинскаго крестьянства и представительство его интересовъ на основаніи, съ одной стороны, народныхъ потребностей и требованій, съ другой — приобрѣтеній общечеловѣческой мысли и, наконецъ, нашего національнаго положенія. Общерусскія организаціи, работающія среди украинскаго народа, не могутъ выполнить данную работу во всей ея полнотѣ и объемѣ, такъ какъ, принимая во вниманіе преимущественно соціально-экономическія потребности украинскаго народа, онѣ въ большинствѣ случаевъ совершенно не признаютъ его, какъ націю, и даже очень часто съ нескрываемою враждебностью относятся къ его національнымъ потребностямъ.

Итакъ, интересующей насъ организаціи нѣтъ, но она должна быть, — историческая необходимость властно

призываетъ ее на арену дѣйствія. Обликъ ея уже намѣчается; необходимые для нея элементы существуютъ уже въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ—отчасти въ современныхъ украинскихъ партіяхъ, отчасти въ безпартійныхъ кругахъ, отчасти даже въ чужихъ организаціяхъ, къ которымъ они примкнули за недостаткомъ собственной. Дѣятельность указанныхъ элементовъ, пока они элементами только и остаются, ни ихъ самихъ удовлетворить не можетъ, ни тѣмъ болѣе дать отвѣтъ на запросы, предъявляемые къ нимъ народными массами. И мнѣ кажется, что единственнымъ путемъ для этихъ разрозненныхъ и разбросанныхъ элементовъ можетъ быть только объединеніе, на почвѣ опредѣленной программы. Лишь при этомъ условіи возможна будетъ систематическая и плодотворная дѣятельность, разбивающаяся теперь, благодаря случайности и неорганизованности. Украинская соціалистическая партія безъ того узкаго доктринерства и догматизма, какими отличаются соціаль-демократы, партія, которая представляла бы интересы всѣхъ трудящихся на Украинѣ и главнымъ образомъ многочисленнаго трудового крестьянства—такая партія кажется мнѣ насущной потребностью времени, не терпящей ни замедленія, ни отлагательства. Въ противномъ случаѣ въ тяжелую эпоху перелома, когда рушится старое міровоззрѣніе и на его обломкахъ создаются основы новаго — украинскій народъ останется безъ своего ближайшаго выразителя и естественнаго руководителя и долженъ будетъ идти за чужими въ національномъ отношеніи людьми, которые лучше и полнѣе откликаются на его насущные интересы въ экономической области. Для украинскаго движенія этотъ исходъ былъ бы такой безповоротной и невознаградимой потерей, такимъ смертельнымъ ударомъ, отъ послѣдствій котораго ему едва-ли вполнѣ удалось бы оправиться. Съ того времени, когда представительство экономическихъ интересовъ украинскаго народа

и руководство имъ перешло бы вполнѣ въ чужія руки, пришлось бы поставить крестъ надъ украинскимъ народомъ, какъ самосознающей себя націей. Одной могилы на всемірномъ кладбищѣ отошедшихъ въ вѣчность народовъ стало бы больше и едва-ли нашлась бы сила, которой удалось бы поднять новаго Лазаря изъ его гроба. Единственное средство избѣжать такой развязки—это, какъ уже было сказано, немедленно всесторонне связать украинство съ истинными потребностями народныхъ массъ и прежде всего въ области экономическихъ интересовъ, ибо что бы тамъ ни говорили, — а они имѣютъ рѣшающее значеніе въ жизни народовъ. Украинская исторія дала намъ весьма краснорѣчивый въ этомъ отношеніи урокъ и мы должны воспользоваться имъ и, какъ огня, избѣгать старыхъ ошибокъ и вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій...

IV.

Два пункта обращаютъ на себя особенно сильное вниманіе въ украинскомъ движеніи. Двѣ черты являются наиболѣе въ немъ привлекательными и такъ съ нимъ сросшимися, что безъ нихъ и само движеніе немислимо. Черты эти — демократизмъ и автономизмъ (на федеративномъ основаніи).

Какъ нація до самыхъ низовъ, до корней своихъ мужицкая и пока она такой останется, украинская нація можетъ выносить на поверхность своей національной жизни только демократическіе элементы, насквозь проникнутые идеей народолюбія, сочувствіемъ къ широкимъ массамъ трудящагося народа, стремленіемъ для нихъ работать и свои интересы преклонить предъ интересами народными. Все, что выходило за предѣлы такого настроенія, уже тѣмъ самымъ отпадало и отъ корня украинской націи, какъ отпали всѣ эти Терещенки, Харитоненки, Ханенки и прочіе, порывающіе

всѣ связи съ своимъ народомъ, кромѣ чисто владѣльческихъ. Далѣе, — какъ нація не-государственная, нація, издавна испытывающая громаднѣйшее зло отъ централистической политики того или иного чужаедаго правительства — украинская нація должна была упорно искать такихъ формъ государственной жизни, при которыхъ наилучшимъ образомъ были бы обезпечены интересы ея, какъ не-государственной народности. Она эти формы нашла въ федерализмѣ.

Съ этими двумя чертами, демократизмомъ и автономизмомъ, связаны лучшія страницы въ исторіи украинскаго народа, на нихъ основывается вся его сила въ настоящемъ и всѣ надежды касательно будущаго. И наоборотъ — затемненіе той или другой изъ указанныхъ чертъ всегда влекло за собой упадокъ украинской жизни. Козацкая старшина XVII—XVIII столѣтій, свернувшая съ пути демократизма, выставивъ голый принципъ автономности, и этотъ послѣдній привела къ гибели. Народъ не послѣдовалъ, да и не могъ слѣдовать, за предводителями, измѣнившими знамени демократизма и обнаружившими „желанія къ чинамъ, а особливо къ жалованію“ и населеннымъ имѣніямъ изъ рукъ центрального правительства. Съ другой стороны, слабость безусловно демократически въ общемъ настроеннаго „укаинофильства“ зависѣла въ огромной степени отъ того, что старшее поколѣніе ближайшихъ къ намъ украинскихъ дѣятелей неясно и себѣ представляло, и въ общественное сознаніе проводило принципъ автономности и вообще оказалось слишкомъ робкимъ въ достиженіи національныхъ задачъ возрождающагося народа. Демократизмъ безъ автономизма на національной почвѣ, равно какъ и автономизмъ безъ демократизма, въ украинствѣ всегда являлись признаками слабости, упадка. И напротивъ — соединеніе обоихъ указанныхъ элементовъ одно только и способно дать украинскому національному движенію жизнедѣтельную

силу и привлечь къ нему многочисленные ряды послѣдователей. Современные политическія организаціи поняли это и потому каждая изъ нихъ соединяетъ на своемъ знамени лозунги демократизма и федерализма (автономности Украины). Однако ошибка существующихъ партій состоитъ въ томъ, что онѣ не нашли того необходимаго соотношенія этихъ двухъ элементовъ, при которомъ послѣдніе другъ друга поддерживали бы. То одному, то другому элементу оказываютъ онѣ предпочтеніе, приближаясь то одной, то другой стороной къ теченіямъ въ украинствѣ, осужденнымъ уже исторіей и жестоко поплатившимся за пренебрежительное отношеніе къ какому-либо изъ указанныхъ элементовъ. Глубокій, хотя и односторонній, демократизмъ украинской соціалъ-демократіи съ ея стыдливостью въ области національнаго вопроса и въ частности автономіи; преувеличенный вплоть до „самостоятельности“ и только для вида одобренный поддѣльнымъ соціализмомъ автономизмъ народной партіи; „умѣренность и аккуратность“ у демократовъ-радикаловъ, — все это явленія одного порядка. Этимъ можно въ значительной степени объяснить сравнительную слабость современныхъ украинскихъ партій, такъ какъ въ силу указаннаго недостатка ни одна изъ нихъ не имѣетъ возможности охватить во всей цѣлостности и полнотѣ нужды и интересы украинскаго народа, т. е. громаднаго большинства его трудящихся классовъ, за интересами того или иного класса забывая объ интересахъ цѣлаго. Отсюда слѣдуетъ, что для появленія на украинской почвѣ желательнаго общественно-политическаго направленія прежде всего необходимо найти такую формулу, которая сумѣла бы въ соотвѣтственной пропорціи объединить оба необходимые элемента украинства — демократизмъ и автономизмъ, и, воплотивъ ихъ въ ясной, близкой и понятной народнымъ массамъ программѣ, повела бы ихъ на борьбу за всенародное дѣло. Такое дѣло возможно

и, пока украинскій народъ почти въ полномъ составѣ принадлежитъ къ трудовымъ массамъ, оно и въ дѣйствительности существуетъ: это освобожденіе народа отъ соціально-экономической и національно-политической зависимости. Это, въ настоящее время, всенародная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко-національная задача общественнаго движенія на Украинѣ, ибо здѣсь пока понятіе націи совпадаетъ въ главнѣйшихъ чертахъ съ понятіемъ народа. Такая и только, на нашъ взглядъ, такая программа соотвѣтствуетъ народнымъ (національнымъ) интересамъ на Украинѣ, такъ какъ послѣдніе въ ней найдутъ свое выраженіе, и, съ другой стороны, она сама будетъ всесторонне опираться на подлинныя основы народныхъ стремленій. Поищемъ же такую формулу, или, по крайней мѣрѣ, попытаемся очертить ея границы, пользуясь для этого накопленнымъ человѣческой мыслью опытомъ.

Процессъ человѣческой жизни сводится въ сущности къ борьбѣ каждой отдѣльной личности за наибольшую сумму доступнаго человѣку здѣсь, на землѣ, счастья. Въ основѣ этой борьбы лежатъ, слѣдовательно, интересы данной личности, ибо только живая человѣческая личность, а не надуманный общественный организмъ, испытываетъ горести и радости, чувствуетъ, мыслить, страдаетъ, борется, наслаждается, терпитъ лишенія. Говоря, что это переживаетъ общество, нація, классъ и т. п.,—мы въ концѣ концовъ хотимъ сказать ничто иное, какъ только то, что данное состояніе переживается отдѣльными личностями, входящими въ составъ опредѣленной общественной группы. Къ живой человѣческой личности, къ ея чувствамъ, къ ея горестямъ и радостямъ, къ ея мыслямъ, стремленіямъ, дѣятельности и борьбѣ сводится вся жизнь со всеми многогранными формами ея проявленія. Слѣдовательно, въ основаніи общественной жизни лежатъ все-таки интересы и потребности этой автономной человѣческой

личности и для полного удовлетворенія ихъ должно употребить всѣ средства какъ отвлеченной мысли, такъ и практической дѣятельности. Истиннымъ демократизмомъ будетъ тотъ, который эти интересы и потребности напишетъ на своемъ знамени и поставитъ ихъ единственнымъ мѣриломъ практической дѣятельности; который сдѣлаетъ, пользуясь выраженіемъ Н. К. Михайловскаго, „фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а — личности. Она составитъ тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи Правды и освѣтятъ вамъ значеніе всякаго общественнаго союза“. „Всякіе общественные союзы, — пишетъ тотъ же защитникъ личности нѣсколькими страницами выше, — какія бы громкія или предвзято-симпатичныя для васъ названія они ни носили, имѣютъ только относительную цѣну. Они должны быть дороги для васъ постольку, поскольку они способствуютъ развитію личности, охраняютъ ее отъ страданій, расширяютъ сферу ея наслажденій... Личность никогда не должна быть принесена въ жертву; она свята и неприкосновенна, и всѣ усилія вашего ума должны быть направлены къ тому, чтобы самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить въ каждомъ данномъ случаѣ за ея судьбами и становиться на ту сторону, гдѣ она можетъ восторжествовать“. *)

Но, являясь центромъ, изъ котораго, по приведенному прекрасному выраженію Михайловскаго, разсѣиваются во всѣ стороны лучи правды, автономная въ идеѣ личность живетъ въ извѣстныхъ общественныхъ соединеніяхъ, налагающихъ на нее свою тяжелую руку и связывающихъ ее кругомъ опредѣленныхъ обязанностей. Кромѣ того, интересы личности, взятой отдѣльно, слишкомъ разнообразны, слишкомъ многочисленны многосторонни; они могутъ быть направлены и къ добру,

*) Н. К. Михайловскій, Письма о правдѣ и неправдѣ.

и ко злу окружающихъ личностей, они могутъ перепутываться, расходиться и сталкиваться съ интересами другихъ автономныхъ же личностей, и вести упорную борьбу съ ними. Охватить ихъ въ такой голой, отвлеченной формѣ или услѣдить въ каждомъ данномъ случаѣ за судьбами личности, не установивъ общаго, связывающаго начала, очевидно, не представляется возможнымъ. Правда, личности, живущія при болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ и подъ одними вліяніями, вырабатываютъ въ себѣ много одинаковыхъ же общихъ чертъ, дающихъ возможность интересы личности до нѣкоторой степени объединить въ интересахъ общества, націи, класса. Но за всѣмъ тѣмъ и въ такихъ предѣлахъ, остается широкое, слишкомъ широкое поле для проявленія личныхъ интересовъ и борьбы за нихъ съ другими членами той же группы, и велика опасность не найти выхода изъ этого лабиринта сталкивающихся интересовъ безъ путеводной нити въ рукахъ. Необходимо, такимъ образомъ, привести всѣ многообразные и противорѣчивые интересы отдѣльныхъ личностей къ какому-нибудь общему началу, къ одному знаменателю, необходимо найти наиболѣе существенный признакъ человѣка и имъ воспользоваться въ качествѣ путеводной нити при группированіи человѣческихъ интересовъ.

Существеннѣйшимъ, общимъ признакомъ человѣка, какъ такового, является *трудъ*; безъ труда мы не можемъ вообразить себѣ человѣческой личности, и своеобразнымъ, если хотите, трудомъ заняты даже наиболѣе тунеядныя личности, поскольку и онѣ ставятъ себѣ извѣстныя цѣли и добиваются ихъ осуществленія. Въ трудѣ, въ томъ или иномъ его направленіи, въ его цѣляхъ и результатахъ высказываются всецѣло интересы и стремленія личности: по трудамъ ихъ познаете ихъ, какъ сказано въ великой книгѣ жизни. И вотъ, познавъ личности по труду ихъ, т. е. произведя дѣленіе

труда на преслѣдующій необходимыя жизненныя цѣли и такихъ цѣлей въ виду не имѣющій, мы получимъ безошибочный признакъ для оцѣнки стремлений личности или, что то же, искомое общее начало, къ которому могутъ быть сведены интересы личности. Подставивъ, далѣе, вмѣсто интересовъ личности интересы необходимаго въ общественномъ смыслѣ труда или, еще нагляднѣе, тѣхъ, кто этотъ трудъ проявляетъ — работниковъ, — мы тѣмъ самымъ найдемъ отправную точку истиннаго демократизма. Какъ видимъ, демократизмъ при этомъ обращается въ социализмъ — не тотъ узкій, я сказалъ бы, сектантскій социализмъ, который придиричливо требуетъ формальныхъ признаковъ для проявленія своего сочувствія, а общечеловѣческій социализмъ, обнимающій всѣхъ въ потѣ лица трудящихся, всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ“, равно относящійся, по словамъ украинскаго поэта—

До всіх, що ллють свій піт і кров,
До всіх, котрих гнетуть окови...

Взявъ единственнымъ мѣриломъ своихъ симпатій трудъ, очевидно, не можемъ отказать въ нихъ никому, кто мы, прилагаемъ его въ области своей дѣятельности, кто живетъ трудомъ, и потому такое міровоззрѣніе должно охватить интересы и пролетаріата, и трудового крестьянства, и таковой же интеллигенціи. Принявъ за отправной пунктъ своего міровоззрѣнія интересы человѣческой личности, мы, въ концѣ концовъ, придемъ къ интересамъ всѣхъ трудящихся, дающихъ въ суммѣ то, что мы называемъ народомъ. Слѣдовательно, народъ, какъ совокупность трудящихся классовъ, и должны мы положить въ основу своей дѣятельности, удовлетвореніе его потребностей и служеніе его интересамъ сдѣлать своею цѣлью. „Служить народу—писалъ Н. К. Михайловскій—значить работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите

никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду, слѣдовательно, между прочимъ, и самому себѣ, если только вы вообще чему-нибудь служите“. Народъ — это та почва, на которой требованія на пользу всѣхъ трудящихся только и могутъ достигнуть желательныхъ результатовъ и расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ. Тѣ требованія будутъ истинно-демократическими, которыя имѣютъ въ виду нужды и интересы этого „народа по преимуществу“, которыя направлены на то, чтобы поднять его изъ духовной и матеріальной нищеты и въ борьбѣ за личность способствуютъ воспитанію прекрасно, гармонично и всесторонне развитой человѣческой личности.

Такая постановка вопроса на украинской почвѣ тѣмъ легче и привлекательнѣе, что на Украинѣ до сихъ поръ вовсе почти не имѣется своей національной буржуазіи и, вообще, командующихъ классовъ. Все, что возвышается надъ народомъ соціально, обыкновенно разрываетъ съ нимъ и національныя связи и потому громаднѣйшее большинство украинской націи состоитъ изъ людей, собственнымъ трудомъ обезпечивающихъ свое существованіе. Вотъ почему, какъ было выше указано, національное дѣло на Украинѣ совпадаетъ въ настоящее время съ народнымъ, и, работая непосредственно и всесторонне для интересовъ народа, мы тѣмъ самымъ совершаемъ дѣло національнаго возрожденія, и обратно — работая для этой послѣдней цѣли, уже тѣмъ самымъ служимъ интересамъ украинскаго народа, трудящихся массъ. Принявъ одно изъ данныхъ положеній, мы уже не имѣемъ нравственнаго права отказываться отъ другого, не раскалываясь на двое.

Отправляясь отъ этой позиціи, не трудно уже будетъ построить программу тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявлены во имя интересовъ украинскаго народа, — необходимо только вникнуть въ нихъ и положить ихъ краеугольнымъ камнемъ программы.

Земля и воля, вся земля и вся воля — этой формулой исчерпываются въ общемъ видѣ народныя потребности въ настоящее время, и къ удовлетворенію ихъ и должны быть направлены всѣ усилія истинной демократіи на Украинѣ, на этомъ фундаментѣ должна она воздвигать зданіе своей программы. Разъ принято это основное положеніе, то изъ него уже сами собой должны будутъ вытекать и частности, ибо изъ данной почвы органически возникнуть можетъ лишь одна программа. Все, что можетъ быть соглашено съ основнымъ положеніемъ, войдетъ въ программу, что ему противорѣчитъ, отпадетъ.

Таковы изложенныя въ общихъ чертахъ основанія программы, которую для Украины я считалъ бы наиболѣе желательной, наиболѣе соотвѣтственной интересамъ украинскаго народа. Не входя въ детали программы, я не могу, однако, пройти мимо одного пункта — того пониманія основного положенія „земли и воли“, которое вытекаетъ изъ нашего національнаго положенія и потому не совсѣмъ укладывается въ тѣ рамки, какія этому положенію обыкновенно присваиваются.

Выше указаны уже были существенныя черты современнаго украинства: демократизмъ и автономизмъ являются въ настоящее время необходимыми составными его элементами, безъ которыхъ оно не имѣло бы права на существованіе. Какъ понимается нами демократизмъ— объ этомъ шла рѣчь на предыдущихъ страницахъ: для насъ онъ совпадаетъ съ социализмомъ, дѣятельностью на пользу трудящихся массъ украинскаго народа и борьбою за ихъ личныя и гражданскія права. Въ процессѣ этой борьбы раскрываются скобки и другой черты нашей программы—ея автономизма. Въдѣ въ понятіе „воли“, въ сумму правъ и личности и составленной изъ отдѣльныхъ личностей націи однимъ изъ первыхъ слагаемыхъ необходимо должны войти такъ называемыя національныя права: право каждой національности на развитіе своихъ культурныхъ особенностей, каковы—

языкъ, литература и т. п., право пользоваться всѣми средствами для культивированія этихъ особенностей — слѣдовательно, право на собственную школу, судъ и тому подобныя общественныя учрежденія и, наконецъ, какъ обезпеченіе всѣхъ указанныхъ правъ — право каждой національности неограниченно распоряжаться всѣми касающимися ея дѣлами — экономическими, политическими, культурными. Сумму всѣхъ перечисленныхъ правъ и можно опредѣлить, какъ право на автономію или независимое существованіе и управленіе своими дѣлами. Общечеловѣческая практика уже выработала для государствъ съ неодинаковымъ населеніемъ образецъ наиболѣе цѣлесообразныхъ въ указанномъ отношеніи формъ въ видѣ федеративнаго строя, обезпечивающаго отдѣльнымъ областямъ автономію, территориально-національное самоуправленіе. Для Украины, такъ много зла испытавшей отъ централистической политики, автономія при настоящихъ условіяхъ является единственнымъ средствомъ свободнаго развитія. Эта форма, при послѣдовательномъ примѣненіи ея, имѣющая въ идеалѣ полную независимость отъ чуждыхъ вмѣшательствъ въ жизнь народа, одинаково далеко стоитъ какъ отъ жестокаго угнетенія и удушья, господствующихъ въ настоящемъ централистическомъ строѣ, такъ и отъ излишней розни и траты народныхъ силъ, что могло бы наступить при полномъ отдѣленіи. Она можетъ обезпечить нашему народу все необходимое для его развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать тѣ выгоды, какія предоставляетъ народамъ мирное сожителство подъ общимъ сводомъ свободныхъ учреждений.

Я говорилъ уже, что указанному сейчасъ требованію не удовлетворяетъ вполнѣ ни одна изъ существующихъ украинскихъ партій, ни одна изъ нихъ не обладаетъ такой формулой, которая соединяла бы демократизмъ и автономизмъ въ надлежащей пропорціи, не уклоняясь въ ту или другую сторону. И какъ ни одна изъ

существующихъ украинскихъ партій не является представительницей интересовъ широкихъ трудящихся круговъ на Украинѣ, такъ ни одна и программой своей не въ состояніи привлечь къ себѣ людей, своею цѣлью ставящихъ служеніе этимъ интересамъ. Вотъ почему опредѣленно намѣчается новое теченіе, которое, избѣгая намѣченныхъ промаховъ, встанетъ на единственно правильный путь, гармонически соединяя при свѣтѣ опредѣленнаго міровоззрѣнія оба необходимые элемента украинства — помня при этомъ конечную цѣль человѣческаго развитія — возможно полное совершенствованіе и расцвѣтъ личности человѣческой. Всесторонне охватить жизнь человѣка, выразить всѣ его потребности — экономическія, политическія и культурныя — въ формахъ данной національной обстановки, въ которой мы живемъ, — такова наша задача. Взявъ „фокусомъ своего размышленія“ интересы личности, воплотивъ ихъ на практикѣ въ интересахъ народа, трудящихся массъ и, въ частности — украинскаго народа, украинскихъ трудящихся массъ, и послѣдовательно отправляясь отъ этой послѣдней точки — украинскіе дѣятели могутъ быть увѣрены, что идутъ правильнымъ путемъ. Въ концѣ пути яркой звѣздой сіяетъ великая цѣль — общечеловѣческое счастье на „оновленій землі“, гдѣ, говоря словами великаго украинскаго поэта, —

Врага не буде, супостата,
А буде син і буде мати
І будуть люде на землі.

Просто *люди* — безъ той накипи соціальной табели о рангахъ, которая густымъ слоемъ осѣла на нихъ втеченіе долгаго пути отъ темнаго прозябанія до-историческихъ временъ къ будущему царству разума и свободы.

